

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ЛИЧНОСТЬ Э. ЭРИКСОНА – ДЕТЕРМИНАНТЫ ЕГО ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ

© 2008 г. Л. И. Анцыферова

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

Выдвигается положение о том, что психотерапевтические теории личности создаются не только на основе психотерапевтической практики. Их источником является жизнь терапевта и особенности его личности. Обоснованием этого положения служит анализ процесса создания Э. Эриксоном (1902–1994) оригинальной социально-психологической, стадийной теории развития личности на протяжении всего жизненного цикла человека. К числу ее детерминант относятся: его “размашистый” (по определению самого Эриксона) образ жизни, длительные странствия по “городам и весям” Европы в поисках своего призвания; общение с людьми, живущими в разных социально-исторических условиях; оптимистическое мировоззрение – результат успешного преодоления личных жизненных трудностей, кризисов самоопределения. Опыт собственной жизни помог ученому создать теорию, выходящую далеко за пределы психоаналитических концепций, разработанных в стенах клиник. Осмысливание своей жизни и результатов профессиональной деятельности позволило Эриксону ввести в психологическую науку новые понятия: мораторий, идентичность, кризис идентичности, генеративность, и выделить центральные, стадийные характеристики личности.

Ключевые слова: целостный жизненный цикл, стадийные личностные новообразования, конфигурационное сходство повседневной жизни и профессиональной деятельности, идентичность и труд.

Создание новых научных теорий детерминруется, в конечном счете, совершающимися в обществе социально-историческими изменениями. Перестройка общественных отношений, новые политические установки, кардинальные изменения в сфере экономики меняют взгляды людей на свое окружение и на себя, вносят разлад во внутренний мир человека и т.д. XX век вошел в историю человечества как период глобальных социальных и природных бедствий и катастроф, несущих угрозу жизни людей, их психическому здоровью. Перечеркнутыми оказались нравственные и духовные устои личности, разрушались системы ценностей. Среди жителей разных стран Европы стали распространяться необычные заболевания, которые скорее можно было бы назвать “душевыми”, чем соматическими.

Под влиянием различных мировоззренческих систем, навязываемых силовыми методами, рушились гуманистические традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Внутренний мир человека наполнялся противоречивыми идеями, и переживание им своей цельности, самотождественности, исчезало.

В атмосфере постоянной неуверенности в завтрашнем дне, в ожидании новых бедствий, которые невозможно было спрогнозировать и предотвратить, у личности постепенно исчезало чувство субъекта жизни. Распространенные в обществе переживания страха, настороженности, подозри-

тельности опускались до уровня повседневной жизни. В этот период перед науками о человеке встали новые проблемы. К врачам начали обращаться пациенты с необычными заболеваниями. Здоровые с медицинской точки зрения, они жаловались на внезапно возникающие и столь же внезапно исчезающие боли в разных частях тела, на мучившие их предчувствия опасности, на страшные сновидения и т.п. Причин своих страданий пациенты не осознавали. Медикаментозными средствами излечить их не удавалось. С такими “неизлечимыми” страданиями в конце XIX – начале XX века столкнулся и Зигмунд Фрейд. Обладая талантом новатора-исследователя, мощной энергетикой и непоколебимой уверенностью в себе и своих идеях, Фрейд определил “беспричинные” заболевания как невротические расстройства личности, уходящие своими корнями в психическое бессознательное, нередко в очень глубокие его слои, относящиеся к раннему детству человека. Их распознавание и лечение требует психологического, точнее, психотерапевтического подхода. В пространство бессознательного “вписана” вся жизнь индивида. Но функционирующие в этом пространстве впечатления и образы соединены друг с другом необычными связями, и доступ к ним очень непрост.

В течение многих, многих лет в моей душе не угасает восхищение дарованием Фрейда постепенно проникать, несмотря на психологическое

сопротивление пациентов, во все более глубокие слои бессознательного и отыскивать причины их неврозов.

В XX столетии вслед за учением Фрейда в мире появилось немало психотерапевтических теорий, создателям которых удается обнаружить и устранить причины психологических страданий своих пациентов, а также способствовать их полноценному личностному развитию. Это деление людей на психотерапевтов и их пациентов ставит перед психологами интереснейшую проблему сопоставительного анализа личностных особенностей представителей этих двух социально-психологических групп людей. Чем и кем был детерминирован их жизненный путь в детстве и юности, какие “картины” мира преобладают у терапевтов и каковы они у пациентов? Мир содержит множество дорог, ведущих к разным исходам драматических событий. Почему людям, привыкшим рассматривать свое окружение под разными углами зрения, благоприятные пути как бы сами “бросаются в глаза”, а у кандидатов в невротики мир плохо картирован, он содержит много пустот, они не антиципируют приближающиеся опасности? В круг этих крупных проблем входит и вопрос о связи истории жизни и личностных особенностей людей, взявших на себя смелость стать терапевтами, создателями теорий полноценного социально-психологического развития личности. Эта статья посвящена жизни и профессиональному творчеству Эрика Эриксона, создателя оригинальной стадийной, эпигенетической теории развития личности. Эриксон – первый детский психолог, выпестованный Анной Фрейд.

Первая часть статьи будет посвящена истории жизни Эриксона. Вторая часть содержит анализ его теории развития личности, а также сопоставление этих двух пластов бытия знаменитого психотерапевта.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ Э. ЭРИКСОНА

Э. Эриксон родился в 1902 г. в городе Карлсруэ (Южная Германия). Имя его отца – Теодор Хомбургер. Мать – Карла Эриксон (в девичестве Абрахамсен). В Германию она приехала из Копенгагена. О своем раннем детстве у мальчика Эрика сохранились лишь отрывочные воспоминания. Среди них иногда всплывал образ матери – тихой и задумчивой женщины, сидевшей перед секретером с книгой в руках. В трехлетнем возрасте Эрик обнаружил, что в их доме существует еще один человек – небольшого роста мужчина с теплыми мягкими руками и черными добрыми глазами. Мать сказала сыну, что мужчина – его отец, он доктор и лечит маленьких детей. Между Эриком и маленьким доктором как-то сразу установились теплые доверительные отношения. Отец

водил Эрика в синагогу, часто гулял с ним по парку. Мир и покой царили в семье.

В положенное время Эрик поступил в гимназию. Но своими успехами похвастать он не мог. Все предметы казались ему скучными, лишь на уроках по истории и искусству он оживлялся. Настала пора поступать в высшее учебное заведение. Отец очень хотел, чтобы его сын пошел по его стопам, посвятил себя медицине, но встретил решительный отказ подростка. Попытки стать студентом каких-либо иных институтов были крайне неудачными – его отчисляли с первых же курсов. И тогда Эрик, как он пишет в своей автобиографии, выбрал жизнь “свободного художника”. Заключалась она в том, что юноша бродил по ателье художников, со скукой рассматривал их картины и сам пытался выпиливать из дерева узоры и раскрашивать их. В конце концов, он обратился к отцу с просьбой разрешить ему путешествовать по странам Европы – увидеть произведения великих архитекторов и живописцев, познакомиться с особенностями жизни, с обычаями разных народов. Очень трудно было отцу отпустить своего “неопытного мальчика” в неведомый мир, полный опасностей. Эрик, однако, был весьма настойчив в своих просьбах, в основе которых, думается, лежало подспудное желание найти свое призвание и поглубже познать себя. После долгих колебаний отец дал Эрику свое согласие. И Эриксон впоследствии во многих своих трудах выражал великую благодарность отцу за то, что он “сумел мобилизовать всю силу своего духа”, чтобы отпустить сына в неизвестность. Повествуя о своих многолетних странствиях, Эриксон очень скупо упоминает о пережитых им трудностях, о кризисах и конфликтных ситуациях. Лишь касаясь своей психотерапевтической работы, говорит, что по собственному опыту знает, как его пациентам трудно преодолеть кризисные ситуации или обрести собственную целостность.

Во время своих путешествий Эрик обычно общался с молодыми людьми, носившими в своих рюкзаках, как и он, книги Ницше и Шопенгауэра. Особенно близко он сошелся с Петером Блоссом – будущим крупным психотерапевтом. Петер познакомил Эрика со своим отцом, весьма эрудированным человеком, который рассказал Эрику о жизни многих выдающихся личностей, особенно об учении Ганди¹. Новые друзья пригласили Эриксона к себе в Вену и посоветовали ему посетить небольшую школу, в которой Анна Фрейд готовила первых специалистов в области детской психотерапии. Посещение школы произвело на Эрика огромное впечатление. Он загорелся неодолимым желанием пройти курс обучения в этой школе, но попасть туда было весьма нелег-

¹ Позднее под влиянием этих рассказов Эриксон создал свою книгу о Ганди.

ко. Зигмунд Фрейд разработал целую систему требований к личности людей, желающих стать психотерапевтом. Вот некоторые из них. Будущий психотерапевт должен обладать, во-первых, хорошим физическим и психическим здоровьем; во-вторых, высокоразвитым интеллектом; в-третьих, способностью улавливать проявления алогизмов в высказываниях пациентов; в-четвертых, не должен позволять пациенту затягивать себя в его обольстительный, привлекательный, но не связанный с реальностью мир переживаний. Дело в том, что невротик обладает некартированным внутренним миром, фрагменты которого связаны друг с другом причудливыми отношениями. Задача психотерапевта – воспроизвести в своем ментальном пространстве необычное видение окружающего мира невротиком, пережить его чувства. Но при этом между пациентом и терапевтом должна существовать, по выражению З. Фрейда, “полоса отчуждения”. Анна Фрейд неукоснительно следовала всем предписаниям отца. Эриксон с успехом сдал “вступительные экзамены” и с необычным для него рвением принялся изучать и критически осмысливать труды основоположника психоанализа и его последователей; заново перечитывал работы Ницше и Шопенгауэра; с большими трудностями овладевал практикой лечения детей-невротиков. Именно практика убедила Эрика в том, что “королевской дорогой” для изучения детей является их игровая деятельность, рисунки и формы общения. Побеседовать с Фрейдом у Эриксона не было никакой возможности. Зигмунд лишь изредка появлялся в школе, но был молчалив и воспринимался окружающими скорее как символ или мифологическая фигура. После успешного окончания курса обучения Эриксон получил документ, удостоверяющий его профессионализм в области детского психоанализа – с печатью школы и подписью Анны Фрейд. О годах, проведенных в школе, Эриксон позднее вспоминает как о периоде, когда он “научился учиться и выучился”.

Свой жизненный путь Эриксон считает весьма сходным с историей жизни Бернарда Шоу и Уильяма Джеймса. Шоу рано почувствовал тяготение к литературному труду и упорно из года в год писал повести и рассказы, отвергаемые издательствами. Но он продолжал с прежним рвением заниматься писательским делом, пока не научился выражать в парадоксальной форме свое ироничное отношение к миру.

Вероятно, во время своего путешествия Эрик посылал весточки своим родителям. Не мог он не сообщить им и о главном событии своей жизни – о встрече со своим призванием – на высоком профессиональном уровне лечить людей, страдающих нервными расстройствами. Думается, что именно в период обучения Эрика в школе детского психоанализа мать открыла сыну тайну его

рождения. Отцом Эрика был датчанин, который бросил свою жену Карлу, узнав, что она беременна. Фамилию отца она сыну не сообщила. Я уверена, что это известие ничуть не огорчило Эрика – ведь он знал и любил только своего ласкового и доброго маленького детского доктора. Тем более что в период учебы в школе детского психоанализа Эрик познакомился с привлекательной молоденькой женщиной, уроженкой Канады, Джоан Серсон. Она преподавала искусство танца, которому обучалась в Америке. Скоро они поженились. Джоан настолько увлеклась психоанализом, что стала сначала секретарем и редактором работ своего мужа, а затем и соавтором. Ко времени окончания обучения в школе А. Фрейд Джоан уже занималась воспитанием двух сыновей, а Эрик планировал начать в одной из клиник свою работу в качестве психотерапевта. Но в 1934 году к власти уже пришли национал-социалисты, и семейство Эрика поспешно эмигрировало в Данию, однако все попытки получить датское гражданство оказались безуспешными. Не смогли они найти убежище и в Канаде. И тогда Эрик решил эмигрировать в Америку. Рассуждал он так. Люди, переселившиеся в эту необычную страну, теряли свою прежнюю национальность, отказывались от своего языка, от прежних обычаев. Все они становились “американцами”, т.е. людьми, которые “сами делают себя”. К такому личностному типу Эрик без колебаний отнес и себя. Своим поступком он разрешил бы один из довлеющих над ним внутренних конфликтов – является ли он немцем, австрийцем или датчанином. Однако на пути к Америке его ожидало серьезное препятствие. Он был неспособен к овладению иностранными языками, а на новой родине ему предстояло не только говорить, но и писать на английском языке. При этом он, тяготеющий к искусству, был весьма неравнодушен к лаврам З. Фрейда, который получил премию имени Гёте за свою книгу “Толкование сновидений”. На помощь, конечно, пришла Джоан: учась в Америке, она в совершенстве овладела американским вариантом английского языка. А сам Эриксон к тому времени уже “научился учиться”.

В результате семейство Эриксона в 1939 г. получило американское гражданство. В новом паспорте его имя и фамилия выглядели так: Эрик Хомбургер Эриксон. Знакомые, знавшие его как Эрика Хомбургера, с удивлением осведомлялись о происхождении фамилии “Эриксон”. Эрик в ответ, посмеиваясь, честно признавался: «Эту фамилию я придумал сам: “Эрик – сын Эриксона – разве плохо?”» Под такой фамилией он стал известен всему миру как создатель оригинальной психосоциальной эпигенетической теории развития личности. Сначала семейство Эриксона поселилось в Бостоне. Там в 1938 г. состоялось открытие Психоаналитического общества. Для того

чтобы стать его членом, нужен был документ об окончании высшего учебного заведения. Эриксон же мог предъявить лишь диплом об окончании школы детского психоанализа с печатью и подписью *самой Анны Фрейд*. Этого невзрачного, на первый взгляд, документа, оказалось вполне достаточно, чтобы стать членом не только Бостонского психоаналитического общества, но и Международной психоаналитической организации. Свое психотерапевтическое образование Эриксон пополнил в клинике при Гарвардском университете, которую возглавлял Генри Мюррей, последователь великих традиций Уильяма Джеймса и Курта Левина. Эриксон успешно выступал с докладами на крупных научных форумах.

Вскоре после окончания Второй мировой войны он вместе с группой коллег из разных американских институтов и клиник предпринял плодотворное путешествие по всей Европе; провел полевые исследования в американских резервациях индейцев. Но главное внимание он уделял обобщению результатов своей психотерапевтической практики и созданию труда, раскрывающего социально-психологические механизмы влияния общества на личностное развитие детей. Основные положения своей концепции Эриксон апробировал в докладах на многих научных форумах, участники которых весьма одобрительно относились к идее создания теории личности, охватывающей весь жизненный цикл человека. Поэтому для его коллег не было неожиданностью, что Эриксона-ученого без высшего образования пригласили в университет Беркли (Калифорния) на должность профессора. Но его “профессорство”, как пишет о себе Эриксон, продолжалось всего один год. Настала эра маккартизма; все ученые должны были подписать “клятву верности” Америке. Свободолюбивая природа Эриксона восстала против такого политического нажима. Он отказался подписать соответствующий документ и был уволен из университета.

Но Э. Эриксон пересмотрел свои позиции. Ход его мыслей был таков. Всю свою жизнь он занимался самосозиданием. По своей воле “американизировался”. Почему же он перечеркнул свой собственный выбор? В конце концов, Эрик подписал документ о лояльности Америке и был восстановлен в своей должности. Преподавательскую деятельность он совмещал с созданием своих трудов. Первый из них – “Детство и общество” – вышел в 1950 г. (второе издание – в 1963 г.). Следуя предписаниям Фрейда, в 60 лет Эриксон перестал заниматься психотерапевтической практикой и полностью посвятил себя совершенствованию стадияльной теории развития личности. Им были написаны более десяти книг, посвященных, в частности, роли игрушек в развитии ума детей; анализу периода взрослости; ранним этапам жизни выдающихся людей и т.д. Одна из его послед-

них книг – “Завершенный жизненный цикл” (1982 г.). Последний же труд – “Включение в жизнь на стадии старости” (1986 г.) – он написал в сотрудничестве с Джоан Эриксон и, будучи уже в преклонном возрасте, ученый продолжал обдумывать свою концепцию. В беседе с Джоан (она была значительно моложе своего мужа) Эриксон высказал пожелание дополнить восьмистадияльную теорию развития личности IX стадией.

Следует подчеркнуть, что Э. Эриксон пережил много трагических событий. Он постоянно указывает на значение самосозидания в развитии личности, но это понятие стало наполняться конкретным богатым содержанием, когда он смог сформироваться в качестве профессионала, способного создавать других людей как создающих себя деятелей, творящих новое общество.

В одной из своих поздних работ он пишет: “Нельзя отделить логику исторических событий от индивидуальной истории” [13, с. 36]. Вместе с тем, любой исторический период весьма неоднороден. В нем сохраняются небольшие сферы благополучного прошлого и ростки лучшего будущего. По словам Эриксона, “...в любом историческом периоде всегда есть островки самодостаточного уклада” [12, с. 140]. Одаренность позволяла ему безошибочно отыскивать наименее опасные пути своего передвижения по странам, воздерживаться от навязываемых знакомств и не отдаваться на волю случаев, пусть и сулящих благополучие. В одной из своих книг автор описывает поведение “одного человека”, в котором можно узнать самого психотерапевта. Этот человек “чувствовал, что жизнь его в юности благополучна, но благополучные события управляют им, а не он ими”, и, руководствуясь принципом самосозидания, Эриксон совершил главный *поступок* своей жизни: в Венской школе детского психоанализа он увидел свое многомерное, насыщенное яркими событиями собственной жизни пространство – результат своего самосозидания.

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ЭРИКСОНОМ СТАДИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Регулярно заниматься психотерапевтической практикой, лечением детей-невротиков Эриксону удалось лишь в конце тридцатых годов, когда он получил американское гражданство и начал работать в одной из психотерапевтических клиник Америки. Воспользоваться собственным детским опытом он не мог: до 3-х лет у него не сохранилось почти никаких воспоминаний о детстве. Но в результате интенсивной психотерапевтической деятельности ему удалось собрать и обобщить весьма нетривиальный материал, касающийся высокого развития личностных качеств у детей самого раннего возраста. Исследования по-

казали, что еще совсем маленькие дети способны избирательно относиться к окружающему их миру – у них быстро вырабатывается способность “доверять себе и окружающей их среде” или же “не доверять себе и миру”. Доверие–недоверие, согласно Эриксону, было первым личностным образованием у растущего человека. В каких же возрастных рамках формируется у ребенка столь важное отношение к миру? Первый детский психотерапевт относит качество *доверия*, входящее в круг *личностного потенциала*, к этапу *младенчества*, которое занимает всего первые двенадцать месяцев жизни растущего человека. Эти сведения привели меня в замешательство.

Дело в том, что параллельно с осмысливанием и переосмысливанием трудов Эриксона я изучала новейшие работы, посвященные исследованию психологии детства, в частности, младенчества. Особенно заинтересовал меня цикл работ, выполненных под руководством Е.А. Сергиенко и обобщенных ею в монографии “Раннее когнитивное развитие” [7]. В новейших работах представлена, в своей значительной части, когнитивная функция младенца, он должен антиципировать последствия своего взаимодействия с миром; уметь сопоставлять свои возможности с особенностями привлекательных для него объектов. Менталитет младенца отнюдь не представляет собой хаотическое нагромождение психологических фрагментов мира. Дитя упорядочивает их в функциональные структуры. При этом младенец не является лишь носителем разворачивающихся в его внутреннем мире процессов. Он прилагает *усилия*, чтобы уловить связи фрагментов мира, понять смысл изменения интонационной окраски различаемых им голосов – любви, поощрения, запрещения и т.п. Многие положения экспериментальных исследований младенцев подтверждают выводы Эриксона о том, что на ранних стадиях развития уже содержатся ростки новообразований последующих стадий. Независимость (автономия) ребенка, характерная для второй стадии его личностного развития, наблюдается уже у младенцев 6–7 месяцев [там же, с. 112]. Можно полностью согласиться с выводом автора о том, что *младенцы гораздо более компетентны, чем это предполагалось до сих пор*. И тем не менее, ни в одной из известных мне работ понятие “личность” применительно к младенческому возрасту не используется. В таком случае, какую же сторону жизнедеятельности младенцев выделяет Эриксон, вводя личностные понятия “доверие–недоверие”, “уверенность–неуверенность в себе и в мире”? Логично предполагать, что такой активность, которая порождает доверие–недоверие, является не действие с предметами, а *общение* ребенка со взрослым. Сначала это обмен жестами, мимикой, улыбками, взглядами. У младенца появляется уверенность в том, что

его настоятельные потребности будут удовлетворены. При отсрочке их удовлетворения у младенца развивается способность *ждать, терпеть*, зная, что помощь все равно придет. Атмосфера любви, поощрения, одобрения переживается дитятей как “вера мира” в его возможности, которая усиливает мотивационно-энергетический потенциал младенца, его активное отношение к окружающей среде. Позитивная оценка действий ребенка взрослыми повышает его самооценку, приумножает стремление расширить пространство освоения им среды. В этой связи уместно вспомнить, какие трагические последствия вызвало пресечение попыток девочки прикоснуться пальчиками к груди больной матери. В переживаниях девочки запрет означал, что мир отвернулся от нее.

Итак, *общение* (со взрослыми) и есть та форма активности, в структуре которой формируются первые фундаментальные личностные качества растущего человека. Напомню положения Мясцева: *общение – всегда отношение. Уверенность–неуверенность – это фундаментальные отношения человека к себе и к миру. Отношения – сложные личностные образования, нарушение которых ведет к тяжелым переживаниям, к изменению хода жизни, к неврозам*. Но ведь Эриксон в своей психотерапевтической практике как раз и занимался проблемой нарушения отношений между людьми, ведущего к различным неврозам. Известен случай трагической смерти пятилетнего мальчика от внезапно начавшейся эпилепсии в результате неуважительного отношения к нему значимых для него людей.

Связывая доверительное отношение ребенка к себе и к миру с типом его общения с окружающими людьми, Эриксон считает качества самостоятельности и инициативы формирующимися в *игровой деятельности детей*. В разных играх ярко проявляются такие характеристики ребят, как “заводила”, “инициатор новых игр”, “вожак”, и т.п. Разумеется, социально-психологической основой таких форм поведения выступает выраженность рано сформировавшегося у ребенка свойства доверия к себе и к своему окружению. Игровая и изобразительная деятельность детей подготавливает их к обучению в школе. Но, к сожалению, исследовать связи между игровой и учебной деятельностью Эриксону не удалось. Учеба в гимназии была для него вычеркнутым из жизни периодом времени. Ни в одной из своих книг он не упоминает ни о школьных товарищах, ни о привлечших его внимание учителях. Весьма скупо он описывает и свой затянувшийся мораторий. Зато счастливое завершение моратория он определяет как событие огромной жизненной важности – свое поступление в Венскую школу детской психотерапии, возглавляемую Анной Фрейд. Да, обучение в этой школе было действи-

тельно счастливейшим событием. Кстати сказать, Эрик был отнюдь не обескуражен своим долгим мораторием. В собственной автобиографии он пишет, что согласно его наблюдениям, длительные моратории характерны для одаренных юношей.

Изучение работ Эриксона поражает детализированным описанием отдельных моментов его учебы в школе. Читателя не может не удивить тот факт, что в схеме основных стадий развития личности Эриксон в особую графу выделяет такое свойство личности, как “прилежание” или “умение учиться”. Но если вспомнить его неудачный опыт учебы в гимназии и неспособность окончить хотя бы первый курс высшего учебного заведения, станет понятным, что Эрик не развил у себя “умения учиться”. Но прежде чем начать учиться у Анны Фрейд, претендент в ученики должен был выдержать “вступительный экзамен”, показать свои личностные качества, которыми должен обладать психотерапевт. Эриксон выдержал “экзамен” и с упоением принялся “учиться”. Пожалуй, впервые он понял, что существует особая способность и система “умений учиться”. Это не школьное умение прочитать и запомнить прочитанное. Получаемые таким путем знания быстро забываются. Учащийся должен сам выделять связи между изучаемым материалом. Следует устанавливать центральные положения и затем конкретизировать их. Эриксон научился бороться с непроизвольно вторгающимися в ум во время учения мыслями, образами, воспоминаниями, не относящимися к изучаемой теме. Особое же внимание он уделял критическому осмысливанию изучаемых трудов по психотерапии. Ему весьма импонировали лекции Анны Фрейд, концептуальные взгляды которой значительно расходились с теоретическими положениями ее отца. Напомним, что согласно З. Фрейду, сфера инстинктов *Оно* является единственным источником энергии личности – *Я* и *Супер-Эго* человека. В отличие от З. Фрейда, его дочь утверждала, что *Я* имеет собственную энергетику, которая обеспечивает все деяния человека, всю его созидательную деятельность в социальном мире. Различия между установками Фрейда и собственными позициями Эриксона определил так: усилия Фрейда были направлены на разгадку бессознательного, в то время как он стремился к разгадке сознания, точнее, к разгадке осознания личностью себя, своего внутреннего мира, собственных социально-психологических свойств.

Изучив теорию и практику детского психоанализа, Эриксон уже с большей легкостью освоил теорию и практику лечения молодых людей и взрослых невротиков.

Пусть внешний вид документа об окончании школы был невзрачным, но он свидетельствовал

о том, что в научном мире появился *первый детский психотерапевт*. Скоро к Эриксону потянулись молодые люди, у которых не было развито самосознание, и внутренний мир был неупорядочен. Их ментальное пространство было наполнено многочисленными образами людей, которые произвели на них когда-то сильное впечатление, но эти образы очень часто противоречили друг другу, а попытки клиентов как-то упорядочить и выстроить их иерархию обычно заканчивались неудачей. Знакомство с новым выдающимся человеком порождало разрушение всей иерархии. С людьми, испытывающими трудности самоопределения, Эриксон не раз сталкивался во время своего моратория, да и сам он в свои тридцать пять лет отнюдь не разрешил кризисы собственного самоопределения, которые касались частных сторон его жизни. Он не мог бы ответить на вопрос, кто он по национальности – немец или датчанин? Какова его конфессиональная принадлежность? Но эти вопросы мало тревожили Эриксона. Он самоопределился в главном – нашел свое *призвание*, овладел любимой профессией. Раздумывая над проблемами самоопределения и самопонимания, он нередко вспоминал слова Фрейда, который, став дипломированным психоаналитиком, воскликнул: “Вот теперь я почувствовал свою самотождественность!” Фрейд остро чувствовал пустоту в своем внутреннем мире, недостроенность в центральной его части, и когда эту пустоту заполнило его детище – теория психоанализа – ученый почувствовал, что он создал центральную область своей жизни.

Эриксон отлично понимал, на какую научную вершину удалось ему подняться, став первым детским психотерапевтом. Но он не мог найти соответствующего термина для обозначения той стадии, благодаря которой он вписал себя в жизнедеятельность общества. Неожиданно в его уме появилось воспоминание о какой-то давней, захватывающей, но непонятной лекции, в которой прозвучало слово “идентичность”. И этим словом Эриксон обозначил *пятую*, важнейшую стадию в развитии личности, предполагающую осознание человеком своего места в обществе. В содержание идентичности, согласно Эриксону, входят не только физические, психологические и душевные качества молодого человека, но также *часть мира*, которую он переживает как тождественную себе. Определяя способ бытия идентичности, автор подчеркивает, что она отнюдь не является статичным образованием. Напротив, это *живое*, развивающееся, растущее качество личности. Наиболее характерной ее чертой является направленность личности в будущее. Вместо диффузно-размытого горизонта не-самоопределившейся личности, перед субъектом, выработавшим свою самотождественность, расстилается пространство, заполненное отдаленными и бли-

жайшими целями, предвидимыми и предугадываемыми событиями, более или менее трудными жизненными задачами. Поскольку центральную образующую позитивной идентичности занимает профессия человека, живое функционирование личности принимает форму деятельности, в развертке которой Эриксон выделяет важные моменты, обычно не упоминаемые в нашей теории деятельности. Он показывает, что достижение желанных целей требует определенных личностных качеств и частных способностей человека. Так, чрезмерно самоуверенный субъект пытается сразу овладеть желанным объектом, не принимая во внимание множественные барьеры между собой и желанным предметом. Потерпев неудачу, он резко снижает самооценку, теряет доверие к себе. Кроме того, неудачника охватывает, по словам Эриксона, генерализованный *гнев* (весь мир настроен против меня!). Отсрочка получения желаемого переживается им как обман (наглецы всегда пролезают вперед). Человек, удачно сформировавший свою динамическую идентичность, развивает у себя одну из главных способностей деятельности – *способность ждать, выжидать* определенного момента, когда необходимые обстоятельства предвещают успех. Крупная, высоко значимая *цель* предполагает построение промежуточных целей, и достижение каждой из них порождает возрастающую *надежду* на успех – одну из составляющих *доверия к себе*.

В более поздних работах Эриксона проблема деятельности начинает разрабатываться в контексте связи личности и общества. Акцент делается не на абстрактной деятельности, а на деятельности трудовой, исторически обусловленной. Эриксон считает методологической ошибкой Фрейда игнорирование им проблемы работы, “индивидуального жизнеобеспечения”, при лечении своих пациентов. В клиниках Фрейда, по словам Эриксона, “тысячи составляемых клинических историй не учитывают историю трудовой деятельности клиентов или третируют ее, как не имеющую, по всей видимости, значения жизненную сферу” [11, с. 40]. Отсюда Эриксон делает вывод, что модель человека, разработанная Фрейдом, должна быть коренным образом изменена. Поскольку именно трудовая деятельность занимает центральное место в идентичности взрослого человека, уже занимающегося своей профессией, именно у него следует выявлять силу *Я* и трудности “психосоциального функционирования”, а не ограничиваться анализом детства пациента. Отсюда следует, что усилия терапевта должны быть направлены на выявления способностей и интересов невротика, на помощь ему в поиске своего истинного призвания. В качестве веского доказательства значимости своей позиции, Эриксон приводит жизнь Фрейда. В возрасте тридцати лет основатель пси-

хоанализа заболел неврозом. Но он не стал лечиться, а весь погрузился в свою любимую работу – и преодолел невроз. Фрейда не сломил и его тяжелейшая болезнь – рак зева и гортани. Несмотря на боль и многочисленные операции, он продолжал делать доклады и читать лекции.

Придавая огромное значение выработке личностью удачной, позитивной идентичности, Эриксон выделяет несколько форм неудачной идентичности, препятствующих полноценному “проживанию” последующих стадий развития личности. К первой из них он относит *спутанную идентичность*. Она характеризуется неспособностью человека стать субъектом самоопределения. Под влиянием любого сильного лидера он чувствует себя сопричастным ему. В его внутреннем мире накапливается много импонирующих ему лиц, но выбрать из них кого-то одного он не может, и в душе у него преобладает чувство изоляции, отстраненности от ранее казавшихся привлекательными персонажей. По словам Эриксона, жизнь таких людей – скорее случайность, чем результат их собственного выбора [там же, с. 179]. Вторая неудачная идентичность носит название *диффузной идентичности*. Эриксон описывает ее как расщепление разных образов *Я*, не имеющего центрального образования [там же, с. 222].

Третья форма идентичности носит название *негативной идентичности*. Отвергая упорно навязываемую молодым людям авторитетными персонами неприемлемую для них самотождественность, они “обрывают свои корни”, называя себя другими именами, придумывают другую биографию и предаются занятиям, которые ранее казались им крайне нежелательными. К сожалению, в работах Эриксона я не нашла психотерапевтических приемов, которые могли бы помочь молодежи найти свою идентичность. Это и понятно. Ведь Эриксон несколько лет искал собственную идентичность, свое *призвание*. В его случае особые трудности заключались в уникальности искомого им призвания. При этом вокруг уникальной профессии был ореол “психотерапия”, прикосновение к периферии которого отозвалось как нечто свое в душе Эриксона. У представителей же негативной идентичности не было никаких признаков увлеченности определенной профессией. В конце-то концов, выбор профессионального самоопределения не является функцией психотерапевта – это функция ближнего и дальнего социального окружения и желания самого субъекта опробовать себя в том или ином занятии.

Успешное прохождение пятой стадии становится основанием перехода на *шестую* стадию жизни. Она носит название “*интимность в противоположность изоляции*”. Человек, обладаю-

щий профессией, может позволить себе завести семью; профессия сближает людей, занимающихся одним и тем же делом. По словам Эриксона, содержание этой стадии очень близко стадии *“генеративность в противоположность стагнации”*. К этому времени профессионал достигает высокого уровня мастерства, растет его социальный статус. В этот период у профессионала появляются новые идеи, он начинает воспитывать учеников, растет его общественная активность. Своими деяниями он развивает не только общество, но и самого себя.

На *седьмой* стадии (*генеративность*) человек достигает высокого уровня своего творчества. Мне хотелось бы поддержать сформулированные В.М. Русаловым определения “зрелого субъекта”. Он пишет: “это особый просоциальный тип личности, самоактуализированный тип личности, творящий себя и способствующий творчеству других людей в свободном обществе” [6, с. 86].

Восьмую, заключительную стадию, Эриксон в своих ранних работах обозначает как *“интеграция в противоположность отчаянию”*. Понятие интеграции обозначает создание личностью целостной картины своего жизненного пути, подведение баланса успехов и неудач, отступления перед трудностями и преодоления, казалось бы, непреодолимых преград, нравственных деяний и неблагоприятных поступков.

В более поздних трудах Эриксона понятие *интеграции* обретает высокое философское содержание. Интеграция теперь определяется в рамках решения проблемы творческого бессмертия человека. Новое содержание интеграции таково: *“Интеграция есть процесс включения достижений человека в социальные институты”*. В эту заключительную пору жизни происходит новая редакция кризиса идентичности, самоопределения собственного Я: *“Я есть то, что меня переживает”* [11, с. 152]. Конечно, личностный вклад человека в архитектуру, в искусство, в науку и т.д. может быть крайне недолговечным или, наоборот, измеряться веками, и, тем не менее, в идентичности личности должен быть определенный “объем” способностей, свойств, характерологических качеств, совокупность которых может быть мерой его бессмертия. Лишь в последнее время психологи начали разрабатывать проблему “личностного потенциала” человека (см. [1, 2]). Однако в этом потенциале ученые выделили лишь то содержание, которое входит в позитивную идентичность, но не решает проблему масштабов личностных качеств, характерных для выдающихся достижений профессионалов.

Современное общество построено так, что в центре личностных ценностей находится профессиональная деятельность. Но жизнь гораздо богаче и шире, чем сфера профессии. В ней существу-

ет иная великая ценность – *любовь*. Лет десять тому назад я прочитала статью С.И. Консторума “Катамнез одного случая шизофрении” [3]. В ней описывался “случай Ниночки”. Молодая женщина обратилась к психиатру с просьбой помочь ей забыть, что она лежала в психиатрической лечебнице. До заболевания Нина успешно работала в должности шифровальщицы-каллиграфистки, а также специалиста по переписке нот. Врач посоветовал ей немедленно возобновить свою работу и написал своим знакомым рекомендательное письмо. Образчики ее работ были признаны превосходными. Вскоре Нина посетила терапевта и сообщила, что получила солидный гонорар. Была веселой и оживленной. Изредка Нина сообщала, что в ее голову “влетали какие-то хаотические, как бы не ее воспоминания”. Однако под влиянием внушения они исчезли. Так прошло двенадцать лет. И неожиданно Нина исчезла. Обеспеченный ее долгим отсутствием, терапевт отправился к ней домой. От соседей он узнал, что мать Нины умерла, и она сейчас же ушла из дома. Похороны матери взяли на себя соседи. Кто-то из них видел Нину на рынке – грязную и опустившуюся. Через длительное время она пришла к врачу с единственным вопросом: как же ей теперь общаться с матерью? В конце концов, ее госпитализировали. Посещавший ее врач был потрясен распадом душевной, психологической и даже телесной личности Нины. Она жаловалась терапевту: “Все члены моего тела сами по себе...” [3, с. 187]. Любовь к матери была “системообразующим фактором” идентичности Нины. Центр исчез – идентичность распалась.

В социально-психологической стадийной теории Эриксона две линии его жизни – труд и любовь – слились в единый мощный творческий поток.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление истории жизни Э. Эриксона и содержания его теории отчетливо показывает, что созданная им оригинальная теория является, во многом, своеобразным отражением его собственной жизни, наполненной неповторимыми переживаниями, событиями, кризисами, конфликтами. Эриксон прожил почти сто лет, и каждый новый период жизни позволял ему глубже проникать в исторические моменты бытия общества, находить новые смыслы жизни людей. В более ранние периоды своей жизни ведущей позитивной чертой внутренней жизни человека он считал самоощущенность, идентичность, самопонимание. В поздних работах в качестве главного параметра внутренней и внешней деятельности работников – выделял самосозидание в единстве с созиданием других людей и созиданием новых общественных институтов.

Что же в жизни Эриксона стало главным основанием создания им знаменитой социально-психологической теории развития личности? Несомненно, его неумная страсть к путешествиям по разным странам, по городам Европы и Америки. Необходимым психологическим качеством этого неутолимого желания было чувство *доверия к себе и к миру*, которое подтверждалось с годами и приняло форму *уверенности в себе*. Сам Эриксон пишет о себе, что он всегда “жил размашисто”. Разумеется, что столь же “размашистой” стала и его теория развития личности – социально-психологической, направленной на изучение личностно-психологических новообразований развивающегося человека. Конечно, странствия по незнакомым местам требовали осторожности, осмотрительности и тонкого проникновения во внутренний мир неизвестных людей. В автобиографии Эриксон смягчает трудности собственных происшествий. Но в своей последней книге, посвященной старческому возрасту (книга написана в соавторстве с близкими ему людьми) Эриксон более откровенен. В процессе обучения в школе А. Фрейд он выделяет несколько периодов формирования профессиональной идентичности. Понадобились волевые усилия, чтобы полностью освоить психотерапевтическую практику и теорию. Он достиг своей идентичности только тогда, когда сумел противопоставить свою модель человека модели Фрейда. В своей автобиографии Эриксон пишет: “Психоанализ прорвался к тому, что в предыдущих моделях человека либо игнорировалось, либо отрицалось; он обратился внутрь (*inward*) и открыл внутренний мир и бессознательное человека для его изучения; он погрузился в глубины (*downward*) инстинктивных тенденций, которые, по мнению людей, были якобы ими преодолены, а в действительности подавлены; он обратился назад (*backward*) якобы к примитивному детству, но оно по мере взросления человека, непрерывно обогащалось” [17, с. 339].

Подчеркивая противоположность своей теории взглядам Фрейда, Эриксон пишет: “Я смутно чувствовал, что образу человека, построенному лишь на основе наблюдений в стенах клинических лабораторий, недостает того, что целостная экзистенция ведет его вовне (*outward*) от самоцентрированности к взаимности любви и коллективности; вперед (*forward*) от бессознательного к загадке сознания” [там же, с. 239]. Открыв бессознательное, Фрейд значительно расширил сферу бытия человека, но оно несравненно уже той социальной Вселенной, которую создает, познает, осмысливает человек как творец новых уровней бытия.

Индивидуально-психологические особенности Эриксона – доверительное отношение к миру и уверенность в себе, осознание своего постоян-

ного психофизиологического, умственного, социально-психологического развития, способность успешно разрешать жизненные и житейские трудности и, главное, его великая преданность общественно-значимому труду – сделали его той моделью, по меркам которой он старался сделать из невротиков работоспособных, адаптированных к жизни, самосозидающих людей.

В лечении пациентов Эриксон придает большое значение выявлению того, какой деятельностью занимался невротик до заболевания, соответствовала ли она его интересам и возможностям. “Вне мира деятельности, – подчеркивает он, – сила *Я* личности остается неизмеримой и непонятной” [11, с. 20]. Э. Эриксону приходилось лечить вернувшихся с полей сражения смелых и доблестных людей, которые не могли найти своего места в гражданском обществе, и только овладение новыми видами труда возвращало им чувство достоинства и желание жить. Наблюдая за судьбой своих подопечных, Эриксон пришел к выводу: “Созидание и самосозидание – единый процесс”.

Личностные характеристики Э. Эриксона, особенно его оптимистическое мировоззрение, обусловили создание им теории позитивно развивающейся личности, успешно разрешающей возрастные кризисы. Но это не личность, которой в жизни просто везет. В трудах ученого фигурирует человек, являющийся субъектом своей жизни, творцом собственной судьбы. И все же этот акцент на позитивном развитии личности можно отнести к недостаткам методологии Эриксона. Ему не удалось вскрыть психологические механизмы формирования человека-неудачника, оказавшегося неспособным обрести свою идентичность, вынужденного заниматься тягостной для него профессией. В работах Эриксона трудно выделить положения, которые помогли бы человеку в период резкого изменения общественных отношений выстроить у себя новую идентичность, соответствующую резко изменившемуся устройству общества.

Останабливаясь в заключение на недостатках эпигенетической теории Э. Эриксона, нельзя не подчеркнуть отсутствие в его трудах анализа развития нравственных характеристик личности. Этот недостаток осознает и сам автор. Своё упущение он объясняет тем, что, не будучи специалистом в области морали, он не решился исследовать развитие нравственности на разных стадиях преобразования личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Консторум С.И. Катмнез одного случая шизофрении // Московский психотерапевтический журнал. 1992. № 1. С. 169–194.

2. Красильников И.В. Внутриличностный конфликт и психологическая адаптация. Саратов: Саратов. университет, 2006.
3. Красильников И.В. Изучение влияния конфликтности ценностной сферы личности на ее адаптационный потенциал: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2005 г.
4. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
5. Ромек В.Г. Психологические особенности уверенности в себе личности // Социальная психология личности в вопросах и ответах. Учебное пособие / Под ред. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 2001. С. 207–225.
6. Русалов В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 5. С. 86.
7. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие. М.: Институт психологии РАН, 2006.
8. Стоун И. Страсти ума или жизнь Фрейда. М.: Мысль, 1998.
9. Фрейд А. Психология “Я” и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
10. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Университетская книга, 1996.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
12. Эриксон Э. Молодой Лютер. Психологическое и историческое исследование. М.: Медиум, 1996.
13. Erikson E. Life History and the historical Moment. N.Y.: Norton, 1975.
14. Erikson E.H., Erikson Y.M., Kivnick H.Q. Vital involvement in old age. N.Y.: Norton, 1986.

LIFE HISTORY AND E. ERIKSON'S PERSONALITY – DETERMINANTS OF HIS THEORY OF DEVELOPMENT

L. I. Antsiferova

Sc.D. (psychology), professor, leading research assistant, Psychological Institute of RAS, Moscow

Thesis that psychotherapeutic personality theories are created not only on the basis of psychotherapeutic practice is advanced in the article. The whole therapist's life and peculiarities of his person are their prime cause. The analysis of E. Erikson's original sociopsychological, stages theory of personality development through the whole life course creation process is the grounds for this thesis. Among its determinants are: his “happy-go-lucky” (Erikson) style of life, long wanderings along European “towns and regions” in search of his vocation; contacts with people of different social-historical strata; optimistic Weltanschauung – as the result of successful overcoming of private life hardships, crises of self-determination. Comprehension of his own life and the results of professional activity allowed Erikson to introduce into psychological science new concepts: moratorium, identity, crisis of identity, generativity and to reveal central, stage personality characteristics.

Key words: whole life cycle, stage personality new formations, configuration similarity of everyday life and professional activity, identity and labour.